Брюсовские Чтения

2006 года

УДК 882.0
ББК 83.3 Р
Б 898

Редакционная коллегия:

С.Т.Золян, д.ф.н., профессор (*редактор*)
Е.А.Алексанян, д.ф.н., профессор
И.А.Атаджанян, к.ф.н., доцент
Э.С.Даниелян, к.ф.н., доцент
С.С.Давтян, к.ф.н.

Б 898 **Брюсовские чтения 2006 года: (сб. статей)** (Ереван, гос. лингвистический университет им.В.Я.Брюсова). – Ер.: Лингва, 2007. - Стр. 540.

В настоящий сборник включены статьи брюсоведов, принимавших участие в юбилейных, XIII Брюсовских чтениях, состоявшихся в октябре 2006 г. в Москве в рамках «Года Армении в России». Эта международная научная конференция, организованная соучредителями – Российским государственным гуманитарным университетом и Ереванским государственным лингвистическим университетом им.В.Я.Брюсова, была приурочена к 90-летию выхода в свет антологии «Поэзия Армении» под редакцией Брюсова.

Книга включает ставшие традиционными для «Брюсовских чтений» разделы: I – «Проблемы творчества В.Я.Брюсова»; II – «В.Я.Брюсов и мировая литература»; III – «Сообщения»; IV – «Публикации».

Сборник рассчитан как на специалистов по истории литературы и литературоведению, так и на широкий круг читателей.

Б $\frac{460302010}{0134(01)07}$ 2007 г. **ББК 83.3 Р**

ISBN 978-99930-79-48-4 **© Лингва, 2007г.**

Н.С. СТЕПАНЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ В.Я.БРЮСОВА ИЗ СБОРНИКА «ВСЕ НАПЕВЫ» В ПЕРЕВОДЕ ВААНА ТЕРЬЯНА

Первое знакомство армянского читателя с поэтическим творчеством В.Я.Брюсова относится к началу 1910-х годов. Одним из первых переводчиков произведений Брюсова на армянский язык был Ваан Терьян. Интерес Терьяна к Брюсову обусловлен рядом важных обстоятельств. По мнению терьяноведа С.Сукиасяна, «Брюсов как признанный руководитель русского символизма был крупным авторитетом для Терьяна, особенно в тот период, когда Терьян отдавал дань символистическим настроениям. Кроме того, бессомненно, что в лице Брюсова он видел великого мастера слова, проявляющего свои исключительные и многосторонние дарования»[1].

Терьяном было переведено десять стихотворений Брюсова, шесть из которых входят в сборник «Все напевы» (1906–1909): «Грустный вечер» («Տխուր երեկո»), «Быть без людей» («Լինել մենակ»), «Городу» («Քաղաքին»), «Одиночество» («Մենություն»), «Час воспоминаний» («Հուշերի ժամ») и «Благословение» («Օրհնություն»). Переводы первых двух стихотворений были впервые опубликованы в 1912 году во втором номере тифлисского двухнедельника «Հուշարար» («Ушарар»), остальные же – в пятом номере журнала «Գեղարվեստ» («Искусство») за 1913 год в Венеции, куда в то время и было переведено издание журнала из Тифлиса[2]. В

[1] Սուքիասյան Ս. Վահան Տերյանը ժամանակակիցների հուշերում. Երևան. 1959. էջ 70: Перевод с армянского здесь и далее выполнен нами.

[2] См.: Симонова А.К. Стихотворения В.Я.Брюсова на армянском языке // Брюсовские чтения 1963 года. Ереван. 1964. С.463-464. После журнальных публикаций эти переводы были перепечатаны в 1923 году в Константинополе в трехтомнике произведений Терьяна под ред. и с прим. П.Макинцяна. Эти же переводы вышли в 1940 году отдельной книжкой под ред. Г.Овнана; в 1957 году были включены в издание избранных стихотворений Брюсова на армянском языке, осуществленное С.Таронци. В дальнейшем переводы появились в 1963

сопроводительной заметке, отправленной с переводами стихотворений редактору журнала «Գեղարվեստ» Гарегину Левоняну, Терьян писал: «Намереваясь сделать ряд переводов из новейшей русской поэзии, я начал с Валерия Брюсова, однако, к сожалению, не могу дать здесь полноценного представления о его творчестве. Различные обстоятельства не дали возможности сделать это в той форме и мере, какой бы мне хотелось. И пусть мои переводы читатель рассматривает как литературный опыт, поскольку я не считаю свою работу завершенной. Публикация же ее не кажется мне излишней, в особенности по той причине, что в нашей литературе очень малочисленны (если не считать, что их почти нет) переводы из этого поэта»[3].

В 1909 году вышел в свет третий том книги Брюсова «Пути и перепутья»[4]. Этот том составил новый сборник стихов «Все напевы». Книга открывается предисловием Брюсова, датированным февралем 1909 года. Эпиграфом к сборнику предпослана строчка из цикла «Urbi et Orbi»: «И все мои напевы еще подвластны мне...». В предисловии к книге Брюсов писал: «...В стихотворениях этого тома – те же приемы работы, может быть, нескольно усовершенствованные, тот же круг внимания, может быть, несколько расширенный, как и в стихах предыдущих томов. <...> Распределение стихов по отделам несколько зыбко и основано не на внутренних особенностях стихотворения, а на обстоятельствах, вызвавших его создание...»[5].

При переводе брюсовских стихотворений Терьян, по всей вероятности, пользовался третьим томом книги «Пути и перепутья», включавшим сборник «Все напевы», на что

году в трехтомном, а в 1973 году в четырехтомном собраниях сочинений Терьяна с прим. В.Партизуни.

[3] Брюсов и Армения. В 2-х кн. Кн.2. Ереван. 1989. С.10. В письме к Г.Левоняну Терьян упоминает о двух уже существовавших на тот момент переводах одного и того же стихотворения Брюсова «Каменщик», принадлежащих Д.Нореку и Г.Калашяну.

[4] Брюсов В. Пути и перепутья. Т.3. М. 1909. В дальнейшем при ссылках на данное издание указывается: ПП, том и страница.

[5] ПП. Т.3. С.1-2.

указывают обнаруженные нами пометки карандашом, сделанные им на русском языке на черновых листах переводов: «Пути и перепутья. Т.III, стр.31» на черновике перевода «Грустного вечера»[6] и другая – «Пути и перепутья. Т.III, стр.12» на черновике перевода «Быть без людей»[7].

Выбор Терьяном данных стихотворений для перевода не случаен. В эти годы Терьян развивал те же темы, что и Брюсов. Так, «Грустный вечер» («Տխուր երեկո») Брюсова по своим мотивам перекликается со всей первой книгой Терьяна «Մթնշաղի անուրջներ» («Грезы сумерек»). Две составные части заглавия стихотворения Брюсова (грусть и вечер) в отдельности и особенно вместе взятые отражают существенные стороны творчества самого Терьяна. Известный терьяновед Э.М.Джрбашян отмечает, что «вечернее время», «приход вечера», просто «вечер» – самые любимые армянским поэтом мгновения[8]. Характерно, что открывающее терьяновский цикл стихотворение названо «Տխրություն» («Грусть») и описывает наступление вечера («Սահուն քայլերով, աննշմար, որպես քնքուշ մութի թև...»). Характерно также, что это стихотворение Терьяна в дальнейшем для «Поэзии Армении» перевел именно Брюсов («Скользящей стопой, словно нежным крылом шелестя темноты...»)[9]. Второй мотив, встречающийся в стихотворении Брюсова «Грустный вечер» и подчеркнутый в заглавии, – мотив грусти, который также пронизывает весь терьяновский цикл. Кроме общего эмоционального оттенка, в «Грезах сумерек» есть около трех десятков стихотворений, в которых тоска – не только настроение, атмосфера, но и самостоятельная и отдельная тема,

[6] Գրականության և արվեստի թանգարան (ԳԱԹ). Տերյանի ֆոնդ (ՏՖ). Գործ 82:
[7] ԳԱԹ. Գործ 80:
[8] Джрбашян Э.М. Четыре вершины. М. 1990. С.19. В дальнейшем при ссылках на это издание указывается: Джрбашян Э.М., Четыре вершины и страница.
[9] См.: Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. М. 1916. С.409.

«исследование» средствами лирики человеческого душевного состояния»[10]. Сопоставим тексты оригинала и перевода:

Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах. Вспоминает вечер о далеких снах.	Տխուր խավար, տխուր քամի ծառերի շրշյուն. Երեկոն իր հեռավոր երազն է հիշում...
Ветер шепчет, шепчет грустно чье-то имя мне. Звездам бесприютно в черной тишине.	Շրշում տխուր, շշնջում է քամին մի անուն. Անօթևան կրակներ մթին բարձունքում:
Тот же ветер, гость осенний, все мечты унес. В сумраке, как тени, образы берез.	Աշնան հյուրը հողմը տարավ, երազներ և ծեզ. Թղթենիները մութի մեջ ստվերների պես.
Сумрак никнет, душу вяжет, вечер спит, я сплю. В тишине кто скажет тихое: люблю!	Մութն է նիրհում, նինջ է տիրում, նինջ է իմ հոգում. Ով կասի ինձ սիրում եմ – լռին այս միգում:
Черен сумрак, ветер умер, умер гул в дубах. В тишине что думать о погибших снах![11]	Մութ է, մռայլ, հողմը մեռավ, լռություն մեռած. Ինչ մտորել քո վրա, կորած իմ երազ[12]:

В авторском экземпляре[13] сборника «Пути и перепутья» между 4-ым и 5-ым дистихами есть еще один:

Мрак все глуше, ночь уносит в мир иной мечты,
Но луна сияньем косит звездные цветы.

[10] Джрбашян Э.М. Четыре вершины. С.198.
[11] ПП. Т.3. С. 31.
[12] Տերյան Վ. Երկերի ժողովածու երեք հատորով. Կ.Պոլիս. 1923. Հ.3. էջ 98: В дальнейшем при ссылках на данное издание указывается: Տերյան Վ., 1923, том и страница.
[13] Брюсов В.Я. Полн. собр. соч. и переводов. СПб. 1913-1914. С авторскими исправлениями и дополнениями.

Эта строфа представляет собой слегка переделанную 7-ю строфу стихотворения «Сны». Ср.:

Ночь вас нежит, ночь уносит
В лучший мир мечты,
Где луна сияньем косит
Звездные цветы[14].

Система поэтических образов, мысли и эмоции подлинника раскрыты Терьяном с большой точностью. Показатель «точности» перевода, вычисленный нами по методу М.Л.Гаспарова, составил 87%, показатель «вольности» – 17%[15]. Стихотворение отличается богатой звуковой системой. Музыкальности способствуют ярко выраженные аллитерации, ассонансы, внутренние рифмы. Так, в сочетаниях «грустный сумрак», «ветер шепчет» ассонанс создается на гласных «у» и «е». В сочетании же «образы берез» имеем аллитерацию на звуках «б», «р», «з». В переводе стих «Մութն է նիրհում, նինջ է տիրում, նինջ է իմ հոգում» демонстрирует яркий пример ассонанса на звуке «ու» («у»). Терьян широко использует синонимы, которые призваны воссоздать фонетическую картину на армянском языке и сохранить ритмико-интонационное единство стиха. Так, слову «сумрак» в переводе соответствуют «խավար» («мрак») и «մութ» («темнота»), а слову «ветер» – «քամի» («ветер») и «հողմ» («ураган»). В первом стихе рядом со словом «տխուր» Терьян поместил существительное «խավար», а в шестом стихе за словом «թղթենիները» следует «մութ». В первом случае аллитерация создается повтором звука «խ» (х), во втором – повтором «թ» (т^h). Аналогичное явление наблюдается с армянским эквивалентом «ветра». В 5-м стихе использовано слово «հողմ», а не «քամի» в целях создания звукового повтора с

[14] ПП. Т.3. С.33.

[15] Приведенный процент «точности» вычисляется от общего количества слов в подстрочнике, процент «вольности» – от общего количества слов в переводе. Терьян в совершенстве владел русским языком и переводил Брюсова без подстрочника. Нам же подстрочник необходим как инструмент исследования. Подробно о методе см.: Гаспаров М.Л. Брюсов и подстрочник // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван. 1983. С.173-185.

предыдущим словом «հյուր». Мастерство Терьяна-переводчика в том, что он в переводе стремится передать те же самые звуки, что в оригинале. Так, например, к слову «шелест» Терьян подбирает эквивалент с буквой «ш» («շ») – «շրշյուն», заменяет в версификационных целях повтор глагола «шепчет» («Ветер шепчет, шепчет грустно чье-то имя мне») на сходные по звучанию контекстуальные синонимы, в которых также присутствует «ш»: «Շրշում տխուր, շշնջում է քամին մի անուն». В переводе стиха «Черен сумрак, ветер умер, умер гул в дубах» – «Մութ է, մռայլ, հողմը մեռավ, լռությունն մեռած» звуки «м» («մ»), «е» («է») и «р» («ռ») присутствуют в тех же отрезках речи, что и в оригинале.

Обратим внимание на то, что существительным «сон» и «мечта» в переводе соответствует одно слово – «երազ», которое полисемично в армянском языке и имеет эти два значения. Ср.: «Вспоминает вечер о далеких снах» – «Երեկոն իր հեռավոր երազն է հիշում» («Вечер вспоминает свой далекий сон» – подстр. пер.) и «Тот же ветер, гость осенний, все мечты унес» – «Աշնան հյուրը հողմը տարավ, երազներ և ձեզ» («Гость осени, ветер, унес и вас, мечты» – подстр. пер.). Неоднократное использование этого слова также привлекает дополнительное внимание к звукописи.

Наконец, перевод стихотворения «Грустный вечер» представляет особый интерес с точки зрения стихосложения. В оригинале первые строки всех двустиший имеют структуру 13-сложного 7-стопного хорея, а вторые строки – 11-сложного 6-стопного хорея.

Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах.
– ∪ | – ∪ | | – ∪ | – ∪ | | – ∪ | ∪ ∪ | –
Вспоминает вечер о далеких снах.
∪ ∪ | – ∪ | – ∪ | | ∪ ∪ | – ∪ | –

Конечно, перевести хореический многостопник аналогичными стихами было невозможно при силлабической системе стихосложения, поэтому Терьян выбрал другую, довольно необычную стуктуру, которая в некоторых чертах схожа с оригиналом.

Տխուր խավար, տխուր քամի ծառերի շրշյուն.
∪ – ∪ – | ∪ – ∪ – | ∪ ∪ – ∪ –

Երեկոն իր հեռավոր երազն է հիշում...

◡ ◡ – ◡ | ◡ ◡ – | ◡ – ◡◡ –

Первые стихи строф состоят из 13 слогов, разделенных на 3 части по принципу (4+4+5). Такая структура подсказана оригиналом. Хотя в оригинале, построенном на принципах силлабо-тонического стихосложения, основным фактором ритма является регулярное акцентирование нечетных слогов, однако данное стихотворение Брюсова носит в себе определенные черты силлабического стихосложения также: первые строки строф четко делятся на 3 части по тому же принципу (4+4+5), что и в переводе. Вторые стихи строф перевода 12-сложные и имеют трехчленную структуру (4+3+5). Этот стих на один слог длиннее соответствующего стиха оригинала, который, как было указано выше, 11-сложный и имеет двучленную структуру (6+5).

Выше отмечалось, что предпоследняя строфа оригинала Терьяном не была переведена. По мнению Э.М.Джрбашяна, причина, вероятно, в том, что здесь второй стих строфы «отходит» от соответствующих стихов остальных строф, представляет собой не 11-сложный двучлен (6+5), а 13-сложный трехчлен (4+4+5): «Но луна си / яньем косит / звездные цветы», т.е. повторяет структуру первой строки[16]. Наконец, относительно этого перевода следует заметить, что оба варианта впервые использованного здесь размера (4+4+5=13 и 4+3+5=12) несколько позже были в отдельности использованы Терьяном в оригинальных стихотворениях, фактически положив начало новым формам армянского силлабического стиха[17].

---

[16] См.: Ջրբաշյան Է. Վահան Տերյանի տաղաչափական համակարգը. Երևան. 1995. էջ 101: В дальнейшем при ссылках на это издание указывается: Ջրբաշյան Է. и страница.

[17] Там же. 13-сложную (4+4+5) структуру имеет стихотворение Терьяна из цикла «Ոսկե հեքիաթ» «Золотая сказка» «Սիրում եմ ես / նրանց ովքեր / որբ են ու անտուն...» («Люблю я осиротевших, бездомных людей...» – подстр. пер.), а 12-сложную (4+3+5) структуру – стихотворение из цикла «Երկիր Նաիրի» («Страна Наири») «Մի խառնեք մեզ / ձեր վայրի, / արջի ցեղերին...» («Не путайте нас с вашими дикими, медвежьими племенами...» – подстр. пер.).

В стихотворении «Быть без людей» («Լինել մենակ»), наряду с вечерней темой, звучит тема одиночества: герой стремится к уединеню, отдалению от мира – мотив, характеризующий творчество самого Терьяна, особенно раннего периода. В отличие от предыдущего, это стихотворение Терьян перевел несколько вольно. Сопоставим тексты:

В лицо мне веет ветер нежащий,	Գգվում է դեմքս հովը քնքուշ,
На тучах алый блеск погас,	Ամպերում հանգավ հուրը կարմիր,
И вновь, как в верное прибежище,	Եվ նորից ահա – մեղմ ու անուշ,
Вступаю я в вечерний час.	Իջավ երեկոն, փռվեց անծիր...
Вот кто-то, с ласковым пристрастьем,	Ձորս կողմից մութը պարզվում է իմ ծ
Со всех сторон протянет тьму,	Գգվանքով մեղմ ու սիրափափագ.–
И я упьюсь последним счастьем:	Վերջին վայելք իմ, իմ վերջին իղձ
Быть без людей, быть одному![18]	Լինել հեռավոր, լինել մենակ...[19]

Степень «точности» перевода составляет 78%, степень «вольности» – 25%. Терьян не стремится здесь к дословной близости, смысловая адекватность достигается иными лексическими средствами. При переводе Терьян опустил 6 слов, 8 вписал от себя и заменил целые фразы. Например, 3-й и 4-й стихи оригинала «И вновь, как в верное прибежище, / Вступаю я в вечерний час» переводчик перевел как: «Եվ նորից ահա – մեղմ ու անուշ, / Իջավ երեկոն, փռվեց անծիր» («И вот снова нежно и ласково / Наступил вечер, раскинулся безгранично»). Здесь Терьян точно передал лишь два слова: наречие «снова» – «նորից» и прилагательное «вечерний» – в грамматической трансформации «երեկո» («вечер»). Кроме того, Терьян

---

[18] ПП. Т.3. С.12.

[19] Տերյան Վ. 1923. Հտ.3. էջ 197:

переставил местами грамматический объект и субъект действия. В отличие от оригинала, где подчеркнута активная роль лирического героя, его ожидание «вечера»-«прибежища», в переводе инициатива отведена «вечеру», сам же герой пассивен. В 7-м стихе «И я упьюсь недолгим счастьем» передал лишь слово «упьюсь» существительным «վայելք» («наслаждение, упоение»), несущим ту же семантику, а прилагательное «недолгий» заменил на «վերջին» («последний»): «Վերջին վայելք իմ, իմ վերջին իղձ» («Последнее мое упоение, последнее мое желание» – подстр. пер.).

Как считает М.Л.Гаспаров, перевод «узнается» прежде всего по существительным. Из 20-и существительных оригинала Терьян точно перевел лишь 4: «лицо» («դեմք»), «ветер» («հով»), «тучи» («ամպեր»), «тьма» («մութ»).

В архиве сохранился еще один вариант перевода. Ср.:

1. Գգվում է դեմքս քնքույշ քամին	1. Ласкает мое лицо нежный ветер
3. Եվ դարձյալ անուշ ու մեղմագին	3. И снова сладко и мягко
4. Երեկոն իջավ, փռվեց անծիր	4. Наступил вечер, раскинулся бескрайне
5. Մեկը չորս կողմից մութ է պարզում	5. Кто-то с четырех сторон протягивает тьму
6. Վերջին վայելք իմ և հիացում[20]	6. Последнее мое наслаждение и восхищение (подстр. пер.)

Как видим, данный вариант почти не отличается от известного нам перевода. Следовательно, Терьян и не стремился к точному воспроизведению оригинала. Будучи вольным с лексической точки зрения, перевод все же художественно убедительно раскрывает содержательный план стихотворения, эмоциональный фон и интонацию. В оригинале чередуется 5-стопный ямб с 4-стопным, а мужская рифма с дактилической. В переводе же использован только 9-сложный размер с четкой цезурой после 5-го слога; рифма лишь мужская, что объясняется

[20] ԳԱԹ. ԿՖ. Գործ 80: Приводим только отличные от первого (опубликованного) варианта строки.

фонетическими особенностями армянского языка, где словарное ударение падает, как правило, на последний слог:

В лицо мне веет ветер нежащий,	Գգվում է դեմքս հովը քնքուշ,
∪ – | ∪ – | ∪ – | ∪ – | ∪ ∪	∪ – ∪ – ∪ || – ∪ ∪ –
На тучах алый блеск погас,	Ամպերում հանգավ հուրը կարմիր,
∪ – | ∪ – | ∪ – | ∪ –	∪ ∪ – ∪ – || – ∪ ∪ –

Э.Джрбашян считает, что в армянской переводной литературе силу «неписаного закона» получил принцип, согласно которому 4-стопный ямб, наиболее популярный размер русского стихосложения, передавался на армянском языке не менее популярным армянским размером – 10-сложным двухчленным стихом. Исключения составляли случаи воспроизведения четырехстопной ямбической строки либо более «узкой» строкой – 8-сложной, либо более «широкой» – 11-сложной[21].

Терьян же, переводя четырехстопный ямб Брюсова, отказался от этих трех размеров (10-, 8- и 11-сложных) и предложил своеобразное решение проблеме, выбрав 9-сложный стих. Этот размер является одним из любимых Терьяном и занимает в его стихотворной системе 3-е место (после 10- и 7-сложных). Но 9-сложный размер представлен в армянском стихосложении двумя вариантами, различными по интонации и ритму: трехчлен (3+3+3) и двучлен (5+4). В оригинальном творчестве Терьяна из 35-ти стихотворений, написанных 9-сложным размером, 19 построены по первому варианту – представляют собой трехстопный анапест, а 16 – по второму[22]. Исключая эти стихотворные размеры, Терьян нашел лучшее средство воспроизведения духа и ритма подлинника в силлабическом варианте этого размера, который подразумевает

[21] Пример первого – перевод поэмы Лермонтова «Мцыри», сделанный в 1890-х годах Л.Шантом; пример второго – перевод стихотворения «Парус» («Белеет парус одинокий...»), сделанный А.Цатуряном. – см.: Ջրբաշյան Է. էջ 98.

[22] Там же.

четкую цезуру после 5-го слога и делит строку на две неравные части (5+4).

Аналогично построены переводы Терьяна стихотворений «Городу», «Час воспоминаний», «Благословение». Брюсов, как известно, отдал дань урбанистическим мотивам. В ранних стихотворениях, развивая тему города, Брюсов стремился передать общий фон городского пейзажа; в позднем же творчестве, завороженный грандиозностью городской цивилизации, Брюсов создал своеобразный апофеоз городу. Город, как явление XX века, волнует и Терьяна. «Одна из важных сторон новаторства Терьяна заключалась в том, что он лирик-урбанист, воспевающий город, в отличие от предшествующих и современных ему армянских поэтов, которые для выражения своих переживаний либо предпочитали деревенскую среду и пейзаж, либо вообще проявляли безразличие к окружающему лирического героя предметному миру»[23]. Следует отметить, что тема города также претерпела в творчестве Терьяна некоторую эволюцию. Так, в ранних стихотворениях город у него является лишь фоном для показа пробуждающейся жизни и природы. Ср. стихотворение Терьяна «Գարնան քաղաքում» («В весеннем городе»):

Լցվում է փողոցն աղմուկ ու շարժում,
Դալուկ դեմքերին ծաղկում է ժպիտ,
Փայլում են տներն արևի փոշում,
Երկինք են պարզվում ծառերը վտիտ...[24]

[23] Джрбашян Э.М. Четыре вершины. С.170.

[24] Տերյան Վ. Երկերի ժողովածու 4 հատորով. Երևան. 1972. Հտ.1. էջ 172: В дальнейшем при ссылках на это издание указывается: Տերյան Վ., 1972, том и страница.

На улице шум и топот шагов,
На бледности лиц играет улыбка,
В пыли золотой – громады домов,
И к небу деревья тянутся зыбко.

(Пер. Брюсова) – Терьян В. Стихотворения. Л. 1980. С.132. В дальнейшем при ссылках на это издание указывается: Терьян В., Стихотворения и страница.

Впоследствии Терьян рисует жизнь капиталистического города с его противоречиями. Так, в стихотворении «Վերադարձ» («Возвращение») из характерных черт городской жизни воссоздается панорама, которая является одним из ярчайших образцов армянской урбанистической лирики:

Հապճեպ հոսանքում և մարդ, և անիվ
Ալեկոծությամբ մի խայտանկար
Խենք փողոցների բավիղներն անթիվ
Ջրերի նման խառնում են իրար:[25]

Последнее стихотворение по своему духу перекликается со стихотворением Брюсова «Городу» («Քաղաքին»). С изумительной точностью Терьян смог передать торжественный тон и дерзкий, бунтарский пафос стихотворения. «Точность» составила 95%, «вольность» – 9%. Сравним первые три строфы:

Царя властительно над долом, Огни вонзая в небосклон,	Իշխելով հովտում հաղթ ու կարող, Երկինք մեխելով հուրերը բորբոք,
Ты труб фабричных частоколом Неумолимо окружен.	Գործարանների ցից փողերով Շրջապատված ես դու անողոք:
Стальной, кирпичный и стеклянный, Сетями проволок обвит,	Ողջ աղյուս, պողպատ և ապակի, Փաթաթված ցանցով երկաթալար,
Ты – чарователь неустанный, Ты – не слабеющий магнит.	Դու հիմա անխոնջ, կախարդ ոգի, Դու չթուլացող մագնիս ես վառ:
Драконом хищным и	Որպես գիշատիչ վիշապ

[25] Տերյան Վ. 1972. Հտ.1. էջ 210:

Здесь рядом колесо и человек
В один безумный бег вовлечены
А улицы, как русла рек,
Смешали многоводный плеск волны.

(Пер. В.Звягинцевой) – Терьян В. Стихотворения. С.153.

бескрылым,	անթև
Засев – ты стережешь	Նստած տարիներն ես դու
года,	հսկում,
А по твоим железным	Իսկ երակներում քո
жилам	երկաթե
Струится газ, бежит	Ցայտում է գազը, ջուրը
вода[26].	հոսում[27]:

Здесь чуть ли не каждая строка воспроизведена с максимальной точностью. Терьян переводит слово в слово, синтаксические конструкции построены параллельно, порядок слов меняется крайне редко. Так, переводчик с точностью передал деепричастные обороты: «Царя властительно над долом» – «Իշխելով հովտում հաղթ ու կարող» («Царя над долом победоносно и властно» – подстр. пер.), «Огни вонзая в небосклон» – «Երկինք մեխելով հուրերը բորբոք» («В небо вонзая пламенные огни» – подстр. пер.), причастные обороты «Сетями проволок обвит» – «Փաթաթված ցանցով երկաթալար» («Обвит сетью железной проволоки» – подстр. пер.). Не ускользнула из внимания Терьяна также анафора «Ты – чарователь неустанный, / Ты – не слабеющий магнит», которую он сохранил в переводе: «Դու հիմա անխոնջ, կախարդ ոգի, / Դու չթուլացող մագնիս ես վառ» («Ты теперь неустанный чародей, / Ты неслабеющий яркий магнит» – подстр. пер.). Дословная близость не нарушает естественное звучание речи, а передает энергию стиха и напряженный ритм.

Заметим: в данном издании не сохранено существенное для Брюсова написание образов-обобщений с заглавной буквы. В 4-й строфе перевода это еще незаметно, поскольку соответствующие словам «Злоба» и «Нищета» эквиваленты «Չարիք» и «Աղքատություն» занимают начальные позиции в стихах и поэтому написаны с большой буквы. Ср.:

Твоя безмерная утроба	Եվ քո որկորը միշտ անկշտում,
Веков добычей не сыта,	Դարերի տուրքով չի հագենում,
–	
В ней неумолчно	Չարիքն է այնտեղ հար տրտնջում,

[26] ПП. Т.3. С.100-101.
[27] Տերյան Վ. Հտ.3. 1923. էջ 203:

ропщет Злоба,	
В ней грозно стонет	Աղքատությունն է սեղ տնքում[29]:
Нищета[28].	

В 6-й строфе этот недостаток выражен отчетливо. Ср.:

Но сам скликаешь	Դու անհնազանդ, ինքդ ես կոչում
непокорный,	
На штурм своих	Դեպ ապարանքդ ամբոխն անքուն,
дворцов – орду,	
И шлешь вождей на	Ու սև միտինգին իշխան կարգում
митинг черный:	
Безумье, Гордость и	Կարի՛ք, խենթություն,
Нужду![30]	ըմբոստություն:[31]

Стихотворение «Одиночество» («Մենություն») отличается сложной ритмикой, но Терьяну удалось передать как лексический состав и семантику, так и размер оригинала. «Точность» составила 92%, «вольность» – 15%. Лексические единицы в переводе либо повторяются, либо представлены двумя синонимами. Сопоставим первые строфы:

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волнение,
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!
Слышу, тихо грохочут с волной уходящей каменья,
Вижу, алый закатный туман превращается в дым[32].

Նահանջիր, որպես ծով, ցերեկի սնամեջ, ընդունայն խռովում,
Մենություն, կանգնիր լուռ, լուսնի պես լուռ կանգնիր և իմ ժամը հսկիր.
Լսում եմ տեղատու ջրերում քարերն են, քարերն են որոտում.
Տեսնում եմ մայրամուտի կաս-կարմիր մշուշն է ծխանում ցանուցիր[33]:

При переводе этой строфы Терьян заменил выражение «как отлив» выражением «որպես ծով» («как море»), «с волной» – «ջրերում» («в водах»). Слову «пустое» в армянском варианте соответствуют два слова-синонима: «սնամեջ»

[28] ПП. Т.3. С.101.
[29] Տերյան Վ. 1923. Հտ.3. էջ 203:
[30] ПП. Т.3. С.101.
[31] Տերյան Վ. 1923. Հտ.3. էջ 203:
[32] ПП. Т.3. С.7.
[33] Տերյան Վ. Հտ.3. 1923. էջ 199:

(«пустой, бессмысленный») и «ընդունայն» («пустой, суетный»). Наряду с этим, Терьян широко пользуется повторами. Только в первой строфе, в отличие от оригинала, повторяются три слова: «կանգնիր» («стань»), «լուռ» («тихо») и «քարերն» («камни»). Повторы обильно представлены и в 4-й строфе. Ср.:

К вашим ласковым пальцам прижму воспаленные веки,
К вашим грудям знакомым устало прильну головой...
Сестры! Нежные сестры! Я в детстве вам клялся навеки,
Только с вами я счастлив, и только меж вами я свой![34]

Ձեր քնքուշ մատներին կսեղմեմ, կսեղմեմ բիբերս բորբոքուն,
Իմ գլուխը հոգնած կդնեմ, կդնեմ կրծքերին ձեր ծանոթ,
Քնքշագին, քնքշագին իմ քույրեր, մանկուց եմ ընդունել ես երդում
Լոկ ձեզ հետ լինում եմ երջանիկ, հարազատ եմ լինում լոկ ձեզ մոտ:[35]

Повторы здесь служат средством акцентирования. Их можно увидеть в каждой строке данной строфы. Это эквиваленты к глаголам «прижму» – «կսեղմեմ, կսեղմեմ» и «прильну» – «կդնեմ, կդնեմ», к прилагательному «нежные» («сестры») – «քնքշագին, քնքշագին» («իմ քույրեր»); а присутствие словосочетания «Լոկ ձեզ հետ լինում եմ» («только с вами я бываю») в начале и конце стиха создает прием кольца и придает стиху смысловую завершенность. Кроме того, повторы создают монотонную, но богатую музыку. Дополнительное внимание к мелодичности перевода привлекает использованный Терьяном силлабо-тонический размер, не характерный армянскому стихосложению. Терьян, как известно, первый армянский поэт, который сознательно и последовательно старался ввести в национальный стих упорядоченный строй ударений[36].

Из произведений Брюсова лишь в переводе «Одиночества» Терьян с точностью сохранил ритмический рисунок оригинала. Как у Брюсова, все 20 стихов перевода имеют анапестическую структуру – стихотворный размер, которым армянский поэт прекрасно владел с первых своих

[34] ПП. Т.3. С.7.
[35] Տերյան Վ. Հտ.3. 1923. էջ 199:
[36] Ջրբաշյան Է.: էջ 95:

литературных шагов. Единственным отступлением является то, что вместо 5-стопных (15-16-сложных) стихов перевод сделан 6-стопными (18-сложными) стихами.

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волнение,
∪ ∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!
∪ ∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪–
Նահանջիր, որպես ծով, ցերեկի սնամեջ, ընդունայն խռովում,
∪ ∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪–
Մենություն, կանգնիր լուռ, լուսնի պես լուռ կանգնիր և իմ ժամը հսկիր.
∪ ∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪– | ∪∪–

Безусловно, введение дополнительной, шестой стопы в переводе некоторым образом затрудняет восприятие стиха и особенно всей строфы, тем более что при перекрестной рифме созвучия приходится ждать на большом «расстоянии», через 36 слогов, когда рифменная «память» читателя почти на исходе. Джрбашян Э.М. считает, что, при желании, этого дополнения можно было бы избежать, хотя бы отказавшись в пределах одной строки от синонимов «սնամեջ» («пустой, бессмысленный») и «ընդունայն» («пустой, суетный») или от одного из повторяющихся слов «կանգնիր լուռ <...> լուռ կանգնիր» («стань тихо <...> тихо стань»), «քարերն են, քարերն են» («камни, камни»). Но Терьян, кажется, намеренно удлинил строки, вероятно, чтобы испытать возможные границы своего любимого анапестического размера[37].

Заметим, что до перевода этого стихотворения Терьян использовал 6-стопный анапест в оригинальном творчестве, например, в стихотворении из цикла «Ոսկե հեքիաթ» («Золотая сказка») «*Տառապանքը քեզ հետ քաղցր հուշ, և խոսքերը խորհուրդ կդառնան...*» («Страдание с тобой станет сладким воспоминанием, а слова – таинством» – подстр. пер.)[38].

В переводе стихотворения «Час воспоминаний» («Հուշերի ժամ») степень «точности» не просто высока, но абсолютно высока, доходит до предела – 96%, «вольность» же составляет

[37] Там же. С. 101:
[38] Там.же.

6%. Терьян опустил лишь два слова при переводе: «чуть зримы» – («հազիվ նշմարելի») и «немые» («համր»). От себя добавил прилагательные: «մթին» («темный»), «խոր» («глубокий»), «վառ» («ясный») и др.

Приведем первые две строфы:

Воспоминанье, с нежной грустью, Меня в глаза целует. День Струей чуть слышной льется к устью, И на душу ложится тень.	Հուշերն են քնքուշ մի թախիծով Աչքերս համբուրում: Ցերեկն իրա Անլուր կոհակն է լեցնում մի ծով,- Ստվեր է իջնում հոգուս վրա:
Вновь, как моряк, носимый морем, Всю жизнь я вижу пред собой, С ее надеждами и горем, С ее безумством и мечтой[39].	Որպես ծովատար նավորդ, կրկին Տեսնում եմ ահա կյանքս բոլոր Իր հույսերով ու վշտով մթին, Իր խենթությամբ ու ցնորքով խոր[40]:

Как видим, к слову «горе» («վիշտ») Терьян добавил эпитет «մթին» («глубокое»), а к слову «мечта» («ցնորք») – эпитет «խոր» («темная»). Добавления не искажают текст, а вводятся в соответствии с образной системой подлинника. Слова эти занимают конечную позицию в стихах, тем самым служат версификационным целям: удлиняют строку до нужного размера рифмы и сохраняют порядок чередования рифмы. Кроме того, в переводе существительное «воспоминанье» дано во множественном числе – «հուշեր», что также обусловлено стремлением сохранить ритмику. Дело в том, что русскому пятисложному слову «воспоминанье» в армянском языке соответствует односложное «հուշ». Поэтому переводчику пришлось изменить грамматическую форму, чтобы избежать перебоев в ритме.

[39] ПП. Т.3. С.29.
[40] Տերյան Վ. 1923. Հտ.3. էջ 207:

Из тех же ритмических соображений Терьян иногда меняет синтаксические конструкции, при этом, не препятствуя правильному восприятию смысла. Так, в 6-й строфе авторская (косвенная) речь заменена прямой. Ср.:

Но кто-то шепчет мне упорно,
Что жребий свой я выбрал сам.
Բայց շշնջում է մեկը համառ.
Դու ինքդ ես ընտրել վիճակդ, դու:
(подстр. пер.:
Но шепчет кто-то упорно: «Ты сам
выбрал свой жребий, сам!»)

При переводе стихотворения «Благословение» («Օրհնություն») Терьян сохранил структурные признаки оригинала. Эпиграф подобран из стихотворения французского поэта-символиста Реми де Гурмона «Дурные молитвы»: «Que tes mains soient benies, car elles sont impures» («Да будут благословенны руки твои, ибо они нечисты»).

Используя эпиграфы к своим стихотворениям, Брюсов приводил их обычно на языке подлинника, в данном случае – на французском. Этому правилу – не переводить эпиграф – следует и Терьян-переводчик.

Вот первые шесть дистихов оригинала и перевода:

Сиянье глаз твоих благославляю! В моем бреду светило мне оно.	Լույսը աչքերիդ օրհնում եմ ես – Ցոլաց մթնում իմ զառանցումի:
Улыбку уст твоих благославляю! Она меня пьянила, как вино.	Շուրթերիդ ժպիտն օրհնում եմ ես – Արբեցնում էր ինձ որպես գինի:
Твоих лобзаний яд благославляю! Он отравил все думы и мечты.	Համբույրներիդ թույնն օրհնում եմ ես – Թունավորեց նա երազ ու միտք:
Твоих объятий серп	Գրկախառնումդ օրհնում եմ ես –

благославляю! Все прошлое во мне им сжала ты.	Անցյալն էր գոցում մեջս առմիշտ:
Огонь любви твоей благославляю! Я радостно упал в его костер.	Հուրը քո սիրո օրհնում եմ ես – Խնդուն նետվեցի խարույկի մեջ:
Весь мрак души твоей благославляю! Он надо мной свое крыло простер[41].	Հոգուդ ողջ մութը օրհնում եմ ես – Տարածեց վրաս թևերն անվերջ:[42]

Как видим, Терьян сохранил двустишия и перекрестную рифму. Вслед за Брюсовым, первые стихи каждой из строф переводчик завершает рефреном «օրհնում եմ ես» («благославляю»). Соблюдение внешних признаков способствует также верному воспроизведению настроения стихотворения, его душевно-лирического строя. Воспроизведена поэтика стихотворения, особенно удались метафоры и сравнения. Ср.: «сиянье глаз твоих» – «լույսը աչքերիդ», «улыбку уст твоих» – «շուրթերիդ ժպիտն», «твоих лобзаний яд» – «համբույրներիդ թույնն», «огонь любви твоей» – «հուրը քո սիրո», «весь мрак души твоей» – «հոգուդ ողջ մութը».

Несколько вольно переведены последние два дистиха:

За все, за все тебя благославляю! За скорбь, за боль, за ужас долгих дней,	Օրհնում եմ հավետ, օրհնում եմ քեզ, Որ բերիր լոկ ցավ, վիշտ ու խավար,
За то, что влекся за тобою к раю, За то, что стыну у его дверей![43]	Որ կոչեցիր դեպ եդեմն ու ես Փակ դռան առաջ սառչում եմ հար:[44]

[41] ՊՊ. Т.3. С.46-47.
[42] Տերյան Վ. 1923. Հտ.3. էջ 209:
[43] ՊՊ. Т.3. С.47.
[44] Տերյան Վ. 1923. Հտ.3. էջ 209:

Здесь Терьяну не удалось сохранить использованную Брюсовым анафору, что объясняется разницей в специфических особенностях двух языков. В русском языке «за» является предлогом, а в армянском – послелогом («համար»). Повтор «за все, за все» (13-й стих) Терьян передал повтором другого слова «Օրհնում եմ... օրհնում եմ» («благославляю... благославляю»), за счет этого в переводе рефрен повторяется 8 раз, в то время как в оригинале – 7. Троекратный же повтор предлога «за» («За скорбь, за боль, за ужас долгих дней») Терьян передал сложноподчиненным предложением: «Որ բերիր լոկ ցավ, վիշտ ու խավար» («Что принесла мне только боль, скорбь и тьму»). Показатель «точности» составил 78%, показатель «вольности» – 14%.

Таким образом, Терьян осуществил основную задачу перевода – воссоздал художественную целостность оригиналов. Максимально придерживаясь оригиналов, Терьян всегда находит адекватные средства в армянском языке. Система поэтических образов, эмоциональность, экспрессивность, интонационное своеобразие, музыкальность верно схвачены и переданы с большой точностью. Совершенное владение русским языком позволило Терьяну воспроизвести все нюансы языка Брюсова. Переводы Терьяна представляют особый интерес с точки зрения стихосложения. Высокое мастерство Терьяна-переводчика в том, что переводы из Брюсова сохранили свои художественные достоинства, зазвучали на армянском языке с той же силой, что и в подлиннике, и стали фактом национальной литературы.